

УДК 821.161.1.09"18" ; 821.133.1.09"18"

О. В. Тимашова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
timashova.ov@gmail.ru

**ФИЛОСОФИЯ ПОДСОЗНАТЕЛЬНОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ Ж. САНД И А. Ф. ПИСЕМСКОГО
(«ЛЕШИЙ» А. Ф. ПИСЕМСКОГО,
«НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ В ДЕРЕВНЯХ» Ж. САНД)**

В статье рассматриваются духовные контакты А. Ф. Писемского, касающиеся важнейшей темы его творчества: темы искушения и греха. В связи с названной темой рассматриваются преемственные связи прозы Писемского и П. А. Катенина (баллада «Леший»). В области западноевропейских влияний устанавливается близость размышлений о подсознательном в творчестве Писемского и Ж. Санд («Ночные видения в деревнях») в литературном и журнально-критическом контексте (журнал «Современник»).

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, Ж. Санд, преемственные связи, подсознательное.

O. V. Timashova

Chernyshevsky Saratov State University
timashova.ov@gmail.ru

**PHILOSOPHY OF SUBCONSCIOUS IN CREATIVE WORK
BY GEORGE SAND AND ALEKSEY PISEMSKY
(«WOODWOSE» BY ALEKSEY PISEMSKY,
1852 ARTICLE IN THE JOURNAL «SOVREMENNİK» BY GEORGE SAND)**

Spiritual contacts of Aleksey Pisemsky which concern the most important subject of his creative work – a subject of a temptation and a sin – are considered in the article. Due to the called subject, a continuity of prose by Aleksey Pisemsky and Pavel Katenin (ballad «Woodwose») are considered. In the field of the Western European influences, the proximity of reflections about subconscious in creative work of Aleksey Pisemsky and George Sand (her 1852 article in the «Sovremennik» journal) in a literary and journal and critical context is established.

Keywords: Aleksey Pisemsky, George Sand, continuity of relations, subconscious.

«Обращение к прижизненным оценкам...литературных явлений прошлого..., дискуссиям по поводу их дает возможность проследить... функционирование творчества...писателей в соответствующую эпоху, уточнить... общую направленность таланта...» (17, 88). Эта цель современного литературоведения в полной мере относится к изучению наследия Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881), одного из еретиков русской словесности, и наиболее отмеченного критикой его рассказа «Леший» (1853) цикла «Очерков из крестьянского быта» (1852–1855). Как в других рассказах цикла «Очерков из крестьянского быта» (1853–1856), в «Лешем» два взаимообусловленных конфликта: внешний (уголовный) и внутренний (психологический). «Внешний» строится на расследование исчезновения крестьянской девушки Марфы, заявившей, что «леший ее таскал», и разоблачении вины управителя. Внутренний конфликт основан на загадке беззаветного чувства крестьянской девушки к «лешему».

Противоречивые оценки цикла обусловлены «подспудной полемикой» (5, 82–83) о направлении Писемского представителей радикальной и эстетической критики, которая тем более усиливалась, что писатель поместил части «Очерков из крестьянского быта» в разные по своему направлению издания. «Питерщик» увидел свет в «Москвитянине» (1852), «Леший» – в «Современнике» (1853) «Плотничья артель» – в «Отечественных записках» (1855). «Дискуссии 1853–1856 гг. – ...значительный этап в развитии русской критики. <...> Новым этапом в поисках путей развития художественной и критической мысли явились “Очерки гоголевского периода” Чернышевского и примыкающие к ним... статьи о... Писемском...» (8, 624–625).

Погружение в современную полемику позволяет понять, почему, если П. В. Анненков, А. В. Дружинин в рассказе Писемского обращали внимание на «необъяснимые колдовства» (1, 84), «тихую поэзию» (6, 261). Чернышевский, напротив, ограничивал взгляд внешним конфликтом. В данном аспекте критику удалось сделать ряд глубоких наблюдений: «о переселении» Писемского в крестьянскую жизнь; об отсутствии теории, «как должна устроиться жизнь людей»; о заинтересованной объективности изложения, когда читатель остается на стороне «докладчика». Однако игнорирование ведущим критиком своей эпохи внутренней психологической составляющей прозы писателя сыграло роковую роль в дальнейшем научном изучении.

Начиная с Чернышевского, знание Писемским крестьянского быта рассматривается как уступающее в «масштабности» (10, 327) созданием его друга И. С. Тургенева. Н. С. Оганян, исследуя сложную систему рассказчиков (12); З. И. Власова, изучая воспроизведение народных обрядов и обычаев (4); Ю. А. Смирнова (16), составляя речевую характеристику рассказчика, – приходят к выводу о том, что главной задачей Писемского было документально точное изображение быта крестьян родной ему Костромской губернии.

Оценки Чернышевского легли в основу мифа о его мужицком невежестве Писемского, который, в свою очередь, явился основой концепций «фотографизма» (20) или же «бессознательности таланта» (9), (2). И посему воздействие классиков прошлого и современников исследователями либо игнорируется, либо максимально ограничивается. Так произошло и с французской писательницей Ж. Санд, чье влияние рассматривается лишь в контексте «жоржзандизма» раннего писателя (15, 151).

Но, отказывая Писемскому в мастерстве индивидуального психологизма, критик не мог удержаться от вопросов, касающихся индивидуальной и коллективной завязки сюжета: *«Девушка...сваливает вину на лешего...– и вся деревня ... верит ее рассказу... – наши поселяне так просты и тупы?»*; *«Марфуша..., над которою совершил Егор Парменов преступление..., имела к нему любовь..., неужели... скверному лицу человеку довольно щеголять в немецком платье, чтобы побеждать... поселянок?»* (16, т. 4, 567).

Прервать традицию этнографического истолкования, углубить психологическую составляющую поэмы писателя попытался Л. Аннинский, Б. Ф. Егоров, указавшие на сознательное сгущение Чернышевским красок с целью усилить воздействие на читателя безотрадних картин жизни крепостной деревни и необходимость заново перечитать рассказ Писемского.

Мы ставим целью проанализировать рассказ, расширив современный Писемскому литературный и журнально-критический контекст, попробовав ответить на вопросы, заданные Чернышевским.

Проделанный нами анализ содержания центральных журналов 1850-х гг. («Современник», «Москвитянин», «Отечественные записки») подтвердил исследовательский тезис о «новой литературной моде» (4, 381), интересе к простонародным суевериям. Любопытна скрытая полемика, обнаруженная нами в «Современнике» 1852 г. Анонимный обозреватель «Современника», рецензируя «Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии» некоего «г. Ив. Шевелева» («Журнал министерства народного просвещения»), сосредотачивается на главе «О поверьях и предрассудках, существующих между жителями Астраханской губернии» (3), о том, как легко возникают суеверия в невежественной среде – например, среди астраханских рыбаков: «...Случайное событие, предшествовавшее явлению и повторившееся перед его (крестьянина. – О. Т.) глазами..., для него... имеет силу закона. Он в нем убежден... так, что... противоречия... склоняют его к сомнению, но не к изменению...» (3, 121).

В том же номере напечатан очерк Ж. Санд «Ночные видения в деревнях». В отличие от русского чиновника и его рецензента, французская писательница призывает внимательнее отнестись к верованиям простого человека: «Я не из... тех, которые говорят о сельском су-

еврии: ложь, глупость, действие страха...» (14, 73–74). Санд отказывается видеть в таинственном только предрассудок или жульничество: «Люди хладнокровные, испытанной смелости..., просвещенные... имели видения...» (14, 74). Для французской реалистки «факт существует..., и всё равно, будет ли он видением в воздухе или только в глазе...» (в психологии воспринимающего. – *О. Т.*) (14, 74–75). Фактически писательница исподволь пытается сформулировать вопрос о подсознательных влияниях на человеческую психику. Более того: она призывает увидеть в коллективном бессознательном одну из загадок духа, «явление неразгаданное и непонятое» (14, 80–81).

Писемский был знаком с исследованием Санд, удостоившимся одобрительного отзыва его товарища по журналу «Москвитянин» Т. И. Филиппова (19, 8). Возможно, оно и побудило его в конечном итоге передать свое произведение в «Современник», журнал, где тема народных суеверий находилась на острие полемики.

Отметим переключку между размышлениями двух писателей о коллективных галлюцинациях и их источнике – загадочных природных явлениях. Оба автора акцентируют внимание на местном колорите. У Санд место действия – таинственный морской берег у побережья Нормандии. У Писемского – деревня на краю человеческого и природного мира. Вопреки утверждениям Чернышевского и последующих исследователей (4, 389), что деревня у Писемского безусловно верит рассказу о лешем – писатель тщательно психологически обуславливает массовые и индивидуальные заблуждения. До прибытия на место преступления и образованный следователь, и крестьяне демонстрируют одинаковый скепсис. Мужик, первым сообщивший исправнику слух о Марфе, о том, что «леший... ее... полюбил», так комментирует собственные слова: «Мало ли что врут в народе. ...Болтают много: всего и не переслушаешь» (13, т. 2, 256). Сотский на заявление «будто бы леший ее (Марфу. – *О. Т.*) ворует. – Пустяки-с, – говорит, сударь. – Без сомнения, что пустяки» (13, т. 2, 272). Еще решительнее настроен «посыльный, отставной унтер-офицер» Пушкарев: «Где... леший? <...> Я его за ворот притащу и тысячу палок дам...» (13, т. 2, 268).

Но по ночам в глухую «печальную» (13, т. 2, 261) деревушку доносится странный шум – «леший... заправду начал кричать» (13, т. 2, 270). Вопреки логическим догадкам страху не может не подвергнуться человеческая природа: «...Гул такой, что я бы не поверил, если бы не своими ушами слышал. Храбрец ...Пушкарев стоит... да бормочет про себя: “Экая поганая сторонка!” Да и со мной воображение..., играет: сам очень хорошо понимаю, что это птица какая-нибудь, а между тем мороз по коже пробегает» (13, т. 2, 271). И таково воздействие природного мира, все поддаются мистическому ужасу – от крестьянина до просвещенного следователя.

Перекликающийся с наблюдениями Ж. Санд набросок коллективной галлюцинации находит продолжение в анализе индивидуальных подсознательных страхов центральных персонажей: «украденной» Марфутки, ее матери и «лешего» Егора.

С подсознательным чувством вины связана для Писемского психологическая мотивировка согласия матери на версию о лешем. Ссылка на коллективный грех: «...А мы, дуры-бабы, будто поопасимся? Не то, что взрослых, а и младенцев почасту: “Черт бы тя побрал, леший бы тя взял”...». (13, т. 2, 267) усиливает вина за «таску», которую учинила, проклиная, непокорной дочери (13, т. 2, 264).

Анализ психологического подтекста рассказа подтверждает наблюдение Л. Аннинского о скрытом сочувствии автора «злодею»: «...Если на эту... историю посмотреть от имени “лешего”? Пожалуй, получится повесть о горькой любви Егора Парменыча к Марфутке, девушке, извлечённой им из чёрной избы...» (2, 58). Управитель не только с целью «спрятать концы» напоминает предания о колдунах: «...Тоску на человека наведет или... чтобы мужчина к женщине или женщина к мужчине пристрастие имели...» (13, т. 2, 258). Перечисленные Егором Парменовым опасности нечистой силы представляют невольный выход его потайным

страхам и недоумению перед самим собою: он упоминает и тоску, которая его, в собственных глазах весьма утонченного человека, заставила забраться в самую глушь. «Пристрастие» «мужчины к женщине» реализуется в необъяснимом для него самого тяготении к далекой от городского шика Марфе. Скромная Марфуша представляет зеркальную противоположность его супруге, с которой Егор вынужден был вступить в брак – «мамзели, исполнявшей... при барине должность мадамы» (13, т. 2, 254).

В отношении Егора, как и в обращении к коллективному бессознательному, Писемский настаивает на близости переживаний образованного человека и крестьянина. С этой точки зрения показательны, что жалобы Егора – «здесь народ прехитрый: ...и то выдумает, чего нам и во сне не снилось» (13, т. 2, 257) – представляют невольную цитату любимого шекспировского афоризма Писемского: «Есть многое на свете, друг Горацио, что нашей философии не снилось».

В подтексте рассказа объединяющую роль играет мотив ветра, вихря – «...только по ветру пустит». «С образами хаоса тесно связан образ вихря, ветра» (11, 78). По народным представлениям вихрь является сопроводителем нечистой силы. Егор, ставший жертвой хаоса чувств, сеет хаос вокруг себя – крадет наивную Марфу, заставив хлебнуть «крепкого виныща», и приказывает говорить, что та «подхвачена вихрем». В отношении Марфуши Егор (Георгий) сыграл роль настоящего Змея-искусителя и губителя. Финальное восклицание: «Прямые *лешии*» (курсив автора. – *О. Т.*) (13, т. 2, 300) – подтверждает правоту подтекста.

Если в целях расширения психологического подтекста действий Егора Писемский обращался к Шекспиру, в отношении Марфы он попытался напомнить пушкинское слово о всевластности и необъяснимости любви. В журнальной редакции привязанность Марфы к пожилому управителю ассоциируется с любовью Марии к старику Мазепе («Полтава»). Это сближение вызвало протест П. В. Анненкова, поскольку «Мазепа имел за себя величие сана, таинственность своих замыслов, волнение суровых мыслей..., а здесь действует... не совсем симпатичный ...приказчик» (1, 84). Писемский был вынужден прислушаться к замечаниям рецензента и в позднейших редакциях заменил «пушкинскую» мотивировку доводами народной мудрости: «...Полюбится сатана лучше ясного сокола».

Таким образом, в поисках идейного смысла рассказа читателю приходится пройти сложный путь. Первый, очевидный ход развития сюжета – от разоблачения «лешего» к поискам истинных причин таинственных и необъяснимых событий, от подозрений до наказания виновника. Подобная трактовка свидетельствует о близости Писемского идеалам «Современника» (и так воспринял рассказ Н. Г. Чернышевский). Параллельно развертывающийся писателем подтекст, однако, близок размышлениям Ж. Санд о невозможности выявления настоящих причин происходящего и побуждений действующих лиц.

Проведенное мною эмпирическое изучение ранних (1850–1859) произведений Писемского в широком журнальном контексте (место публикации, контекст, журнально-критические отзывы) позволило прийти к выводу о широкой эрудиции писателя и связанной с нею внутренней полемичностью каждого произведения, касающейся как литературных, так и журнальных связей.

Литература

1. Анненков П. В. Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году // Анненков П. В. Критические очерки / под ред. И. Н. Сухих. СПб., 2000.
2. Аннинский Л. А. Сломленный. Повесть о Писемском. Икс, игрек и зет «крестьянского быта» // Аннинский Л. А. Три еретика. М., 1988. С. 25–55.
3. [Б.н.] Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии [Рецензия] // Современник. 1852. № 1. Отд. 6. С. 121–122.
4. Власова З. И. А. Ф. Писемский // Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). Л., Наука, 1976. С. 384–406.

5. Демченко А. А. Из истории полемики Н. Г. Чернышевского с А. В. Дружининым // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 4. Саратов, 1965. С. 83–92.
6. Дружинин А. В. Прекрасное и вечное: сб. ст. М., 1988.
7. Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX в. М., 1982.
8. Зельдович М. Г. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов и русская критика их времени // Зельдович М. Г. Творческое поведение. Ч. 2. Харьков, 2010. С. 608–661.
9. Иванов Ив. Писемский. СПб., 1898.
10. Лебедев Ю. В. Алексей Феофилактович Писемский. Жизнь. Творчество. Литературная судьба // Лебедев Ю. В. В середине века. М., 1988. С. 324–330.
11. Левкиевская Е. Е. Вихрь // Славянская мифология. М., 2002.
12. Оганян Н. С. Художественное своеобразие очерков и рассказов Писемского // Научные доклады высшей школы. Ереван: Филологические науки. № 6. С. 93–123.
13. Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. / под ред. А. П. Могилянского, подг. текста и примеч. М. П. Еремина. М., 1959.
14. Санд Ж. Ночные видения в деревьях // Современник. 1852. № 1. Отд. 4. С. 72–81.
15. Скафтымов А. П. Белинский и драматургия Островского // Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958.
16. Смирнова Ю. А. Речевая структура образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А. Ф. Писемского // Введение в литературоведение. М., 1999.
17. Тихомиров В. В. Русская литература 60-80-х годов XIX века в свете историко-функционального изучения. Иваново, 1988.
18. Филиппов Т. СОВРЕМЕННОСТЬ, Январь <1852> // Москвитянин. 1852. № 3. Отд. 5. С. 88.
19. Чернышевский Н. Г. Полно собр. соч.: в 16 т. М., 1948. Т. 4. С. 721.
20. Чешихин (Ветринский В. Е.). А. Ф. Писемский // История русской литературы XIX века / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1909. Т. 3. С. 232–252.

УДК 821.161.1.09"18"

Е. В. Макарова

*Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
lata28@mail.ru*

ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ КНИГИ РАССКАЗОВ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА

В книге рассказов «Записки охотника» система персонажей является одним из компонентов циклического целого. В статье рассматриваются группы или «гнезда» персонажей, существующих в произведении, выявляются их характерные черты, а также способы воплощения в них национального характера. Подробно исследуется центральный тип книги – народный романтический характер.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Записки охотника», книга рассказов, система персонажей, национальные особенности.

Ye. V. Makarova

*The Stoletovs Vladimir State University
lata28@mail.ru*

RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN IVAN TURGENEV'S BOOK OF SHORT STORIES «A SPORTSMAN'S SKETCHES»

In the book of short stories «A Sportsman's Sketches», written by Ivan Turgenev, the system of the characters functions as one of the components connecting the whole text. The two groups of the characters are researched in the article, each character is a strong personality in Ivan Turgenev's text, but all of them have many traits in common, so we can distinguish types of the romantic or realist between them and learn those gestures of national character, which are focused in them.

Keywords: «A Sportsman's Sketches», short stories book, cycle, personality, national character.

Говоря в компонентах, связующих циклическое образование в единое целое в книге рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника», стоит отметить систему взаимосвязанных мотивов произведения (охоты, природы, дороги), единый фокус рассказчика-повествователя,